

СОДЕРЖАНИЕ

ПОБРАТИМ

5

РОКОШ

249

КАТОРЖАНИН

473

ПОБРАТИМ

«Существует тибетская пословица, которая гласит: „Трагедия должна использоваться как источник силы“. Независимо от того, какие трудности, насколько болезненным является опыт, если мы теряем надежду, это и есть настоящая катастрофа».

Далай-лама

Пролог

*Империя Аратан. Столичная планета Арата.
Летняя резиденция императора*

Скот Ар-Мурено медленно, смакуя, отхлебнул из высокого хрустального бокала вино. Оно, как и всегда на императорском балу, было превосходно, да и каким ему еще было быть при дворе одного из самых влиятельных аристократов Содружества. Шутка ли, император Аратана, властитель множества миров и повелитель доброй четверти освоенного пространства, решил устроить традиционный бал в честь дня рождения своей дочери. Как раз за ней сейчас и наблюдал Скот.

Обворожительная девушка беззаботно кружилась в танце. Ее стройная фигурка была обтянута шикарным бордовым платьем, за стоимость которого вполне можно по случаю приобрести какую-нибудь заштатную планетку на окраине империи. Младший ребенок императора, она была сегодня необычайно красива, золотистые волосы уложены в замысловатую прическу, в них блестели россыпи драгоценных камней рубинового цвета, подчеркивающих природную красоту девушки.

В последний раз граф видел ее около цикла назад, на точно таком же балу, но приуроченном ко дню рождения

юного принца. С тех пор она изрядно похорошела и стала еще притягательнее. Не зря о ней мечтало множество мальчишек империи, в тайне ото всех хранивших ее голоснимки в своих гаджетах.

В отличие от большинства, молодой граф, которому только недавно исполнилось двадцать циклов, мог лицезреть ее воочию, чем он в данный момент и занимался. Скот был атлетично сложен и очень привлекателен, по крайней мере у него не имелось никаких проблем с женским полом, он довольно часто позволял себе ничего не значащие интрижки, однако предпочитал не афишировать это. Граф родился в такой семье, где привыкли повелевать, и выбирать свою будущую спутницу жизни ему следовало очень основательно.

В зале раздавалась красивая мелодия, группа известных на все Содружество музыкантов профессионально исполняла популярную песню. По слухам, принцесса была фанаткой этой группы, и это оказало огромное влияние на их карьеру. Еще пару циклов назад о них никто и не знал, пока в то время совсем еще юная девушка случайно не обмолвилась, что ей понравилась одна из композиций. С тех пор дела у группы пошли в гору. Их альбомы продавались миллиардными тиражами, а концерты были расписаны на несколько циклов вперед, но сегодня они играли для кумира всей молодежи, принцессы Аратана Велины Ан-Сирайтис.

Девушка танцевала со своим старшим братом, высоким худощавым симпатичным юношей шестнадцати лет. Несколько более темные, чем у сестры, волосы собраны в тугий хвост, он был одет в шикарный темно-синий камзол, а на бедре красовалась церемониальная рапира, которая нисколько не мешала ему танцевать, ведь они с принцессой прошли через профессиональные руки многих наставников и могли дать фору любому танцору.

Будь на месте Фариала Ан-Сирайтиса кто другой, это наверняка заставило бы молодого графа Ар-Мурено ревновать, но ревновать принцессу к брату было бессмысленно, да и, что греха таить, небезопасно. За отпрысками императора велось круглосуточное наблюдение, и любой недобрый взгляд в их сторону мог тут же заинтересовать сотрудников службы безопасности.

Граф дождался окончания мелодии и, поставив недопитый бокал с вином на поднос проходившего мимо него официанта, направился в сторону совершающих друг другу церемониальные поклоны детей императора. Несмотря на то что он принадлежал к дому одного из четырех великих герцогов империи, ему редко удавалось встречаться с венценосными отпрысками. Семья императора вела достаточно закрытый образ жизни, и их нечасто можно было повстречать на светских мероприятиях. Бал в честь дня рождения принцессы как раз и был одним из таких удачных дней.

Граф подошел к парочке и элегантно поклонился, положив левую руку на эфес рапиры, а правую, сжав кулак, прижал к сердцу.

— Ваши высочества, мое почтение, — вежливо поздоровался он с молодыми людьми.

Принц и принцесса в ответ слегка наклонили головы и синхронно произнесли:

— Здравствуйте, граф.

— Ваше высочество, — обратился Скот к девушке, — я бы хотел поздравить вас с днем рождения, пожелать долгих лет жизни и процветания вашему дому от себя лично и от семьи Ар-Мурено.

— Благодарю вас, граф, вы очень любезны, — очаровательно улыбнувшись, ответила принцесса.

— Могу ли я пригласить вас на танец, ваше высочество? Окажите мне честь.

— Граф, первые три танца мои, принцесса мне про-
спорила, а потом за мной уже очередь выстроилась.
Присоединяйтесь к ним, — по-доброму улыбнувшись,
ответил за принцессу Фариал и кивнул в один из концов
зала, где собралась группка молодых парней. Среди них
Скот узнал нескольких аристократов, носивших гораздо
более низшие титулы, чем он.

— Моя принцесса, но я не вижу там ни одного графа,
только виконты. Разве могут они доставить вам истин-
ное удовольствие в танце? — с жаром ответил Ар-Муре-
но и пристально посмотрел в глаза девушки.

— Во-первых, я не ваша, граф, вы забываетесь,
а во-вторых, нарушать слово для аристократа недопу-
стимо. Не хотите же вы, чтобы я уронила свою честь? —
фыркнула принцесса и брезгливо посмотрела на Скота.

В глазах молодого человека на долю секунды про-
мелькнуло бешенство, и это не укрылось от вниматель-
ного взгляда принца.

— Граф, по-моему, вы выпили лишнего, прогуляйтесь,
подышите свежим воздухом. Сегодня я не разрешаю вам
танцевать со своей сестрой на правах брата, — по-преж-
нему улыбаясь, сказал принц, но на этот раз в его словах
чувствовалась твердость и уверенность в собственных
силах.

Да, он мог ему приказывать, сейчас они с принцессой
были самыми старшими аристократами на этом празд-
нике жизни.

— Простите мою дерзость, ваши высочества, вы, без-
условно, правы. Разрешите откланяться, — согнувшись
в поклоне, ответил граф. Распрямившись, развернул-
ся на месте и направился в сторону анфилады летнего
дворца.

На его лице нельзя было прочесть ни одной эмоции,
поэтому никто не знал, что в этот момент происходило

в душе молодого графа. Едва он оказался на балконе, тут же резко сжал кулаки и зажмурился, ему очень хотелось выругаться и что-нибудь разбить на мелкие кусочки, желательно голову этого мерзкого принца. Как он посмел это сказать ему, наследному сыну герцога Ар-Мурено? Да что этот сопляк о себе возомнил! Граф был готов разорвать его на тысячу кровавых лоскутов! Отчаянно хотелось рычать.

Однако Скот прекрасно знал, что любой сантиметр летнего дворца императора просматривается, и кластер искинов службы безопасности анализирует движения каждого мускула всех присутствующих высокопоставленных гостей. Нет, он не так глуп, он не позволит привлечь к себе внимание, не будь он графом Ар-Мурено. Он поступит так, как велит девиз его рода. «Заморозь свою ярость и рази врагов ледяным клинком».

Граф несколько раз глубоко затянулся сладким воздухом столичной планеты Араты. В его легкие, сведенные спазмом острого приступа ярости, ворвались ароматы окружающих летнюю резиденцию императорской семьи садов. Тысячи умелых работников заботливо культивировали на огромных пространствах множество самых прекрасных растений со всех уголков Содружества. Большая часть населения империи была бы рада хоть одним глазком увидеть все его прелести и диковины, но сейчас чарующий аромат не приносил графу абсолютно никакого облегчения. С таким же успехом он мог бы дышать канализационными миазмами где-нибудь в промышленном захолустье.

Ар-Мурено крепко сжал зубы, усилием воли заставил себя улыбнуться и нацепить на лицо выражение удовольствия. С трудом, но это ему удалось. Он еще несколько минут постоял, привыкая к натянутой маске, потом вернулся в зал.

Теперь ему казалось, что все вокруг смотрят на него пренебрежительно, ведь его только что так унизили, а он стерпел, проглотил оскорбление, словно какой-то плебей. Однако сейчас покидать бал было нельзя, а то, чего доброго, подумают, что он настолько слаб, что не может контролировать себя. Нет, щенок, я еще до тебя доберусь. И до тебя, мерзавка, тоже; разложу, как простую служанку, дай только немного подготовиться.

Граф Ар-Мурено еще некоторое время прогуливался по залу, даже пригласил на танец какую-то девушку, чья внешность совершенно не отложилась в его памяти. После этого он, не привлекая внимания, покинул императорский бал и отбыл в столичную резиденцию отца, великого герцога империи Аратан Виста Ар-Мурено.

Когда он оказался на территории усадьбы, сразу же поднялся в свои покои и только там дал волю своей необузданной ярости, рвал и метал, разбивая изящные предметы искусства, которые целенаправленно и бережно коллекционировала его матушка и расставляла во всех семейных гнездах. Скоту было глубоко наплевать на их редкость и стоимость, ему требовалось выпустить из себя до поры до времени сдерживаемую ярость, и он с удовольствием делал это.

После того как первый поток злости был выплеснут, граф связался с искином-мажордомом и потребовал себе бутылку крепкого алкоголя. Как только заказанное было ему предоставлено, он залпом выпил несколько бокалов и лишь после этого немного успокоился.

Сел в кресло, налил себе еще порцию напитка и начал медленно цедить его. В голове строились планы мести детям императора, и чем дольше он сидел, чем пьянее становился, тем более изощренно воображение помогало ему продумывать многоходовые комбинации.

Через час недопитый бокал выпал из ослабевших пальцев хватившего лишнего парня. Дроид-уборщик неслышно появился из зарядной ниши и втянул в свои внутренности упавший на пол стакан вместе с остатками пролившейся жидкости, после этого он так же неслышно убрался восвояси.

Планета Земля. Город Калининград. 2030 год

— Евгений Соловьев, — позвала выглянувшая из кабинета военного комиссара девушка, носившая погоны старшего лейтенанта медицинской службы, — вы следующий, проходите.

Она скрылась за оставшейся открытой дверью, и я тут же поднялся из мягкого откидного кресла, стоявшего в коридоре военного комиссариата города Калининграда. Я мысленно постарался успокоиться и, пропечатав несколько твердых шагов, вошел в кабинет.

Перед тем как войти, попытался сделать как можно более незаметными следы полученного несколько лет назад ранения. На мне были надеты неброский серый пиджак и такой же расцветки брюки. Ничего более официального я не смог найти в своем скудном гардеробе, а покупать, тратя на что-то новое и так невеликую пенсию, не считал нужным. В руках я держал папку с комплектом необходимых документов.

— Здравствуйте, — негромко поздоровался я с комиссией, заседающей в кабинете.

За длинным столом расположились трое мужчин. С прошлого раза тут совсем ничего не поменялось. В кабинете кроме них находилась та самая девушка, которая исполняла роль секретаря, она сидела за отдельным столом и что-то набирала на клавиатуре ноутбука.

Ноздри уловили множество запахов, смесь каких-то медицинских препаратов, бумаги, парфюма и антисептиков. После того как противник начал применять различные штаммы экспериментальных бактерий, это стало нормой жизни. Распространение эпидемий удалось предотвратить, хотя поначалу было непросто.

— Здравствуйте, молодой человек, — поздоровался со мной сидящий в центре пожилой полковник, — проходите.

Я сделал несколько шагов и остановился напротив стола. Со всеми сидящими за ним я уже неоднократно встречался в этих стенах.

— Итак, Евгений Николаевич, вы опять навестили нас, — с отеческой улыбкой сказал военный комиссар полковник Демьяненко.

— Так точно, товарищ полковник! — гаркнул я и встал по стойке смирно.

— Ну вот, опять, молодой человек, — сказал подполковник медицинской службы, в погонах которого наравне со звездами можно было легко разглядеть известную всем эмблему. — Мы с вами встречаемся уже не первый раз, и мне по-прежнему нечем вас обрадовать. Вы ведь наверняка сами прекрасно знаете, что по медицинским показаниям мы не можем восстановить вас на службе, сейчас не двадцать пятый год, когда это было бы возможно. Поймите, с вашим диагнозом нельзя служить, да вам даже двигаться-то с опаской нужно.

— Товарищ подполковник, я прекрасно себя чувствую и готов пройти любые проверки, — уверенно заявил я. — Вот, тут у меня заключения независимых экспертов о том, что я в порядке, — показал я свою папку.

— Евгений Николаевич, на стене висит зеркало. Подойдите, пожалуйста, к нему, — попросил председатель медицинской комиссии.

Сделал несколько шагов и, как и было сказано, посмотрел в зеркало. Я прекрасно догадывался, зачем полковник приказал это сделать и что он хотел мне показать. Правая половина моего лица частично парализована. Не сказать, чтобы это сильно меня портило, во всяком случае я к данному неудобству давно привык, однако скрыть не до конца открытое веко и опущенный уголок губ было невозможно, да и во время разговора очень заметна разница в мимике.

— У вас было проникающее осколочное ранение головы, из вас достали два осколка, а один до сих пор находится в тканях головного мозга. О какой службе может идти речь, молодой человек? Мы просто не имеем права пропустить вас. Поймите, это подсудное дело, на это никто не пойдет, никакие независимые экспертизы вам не помогут. У вас однозначная категория «Д», вы абсолютно негодны к службе, у вас инвалидность.

— Товарищи офицеры, я должен служить, для меня это все. Прошло уже три года после моего увольнения, нет мне здесь жизни, никому я тут не нужен. Пошлите меня куда угодно, но восстановите на службе. Согласен пойти даже сержантом или, если нужно, рядовым.

— Старлей, не дури, ты ведь и сейчас, при нормальном разговоре, не совсем себя контролируешь, буквы путаешь. Да что мне тебе объяснять, ты не дурак, сам все прекрасно понимаешь и лучше всех знаешь о состоянии собственного здоровья. Ты что, думаешь, что я контуженных на своем веку не видел? Поверь, насмотрелся по самое не могу и прекрасно знаю, что потом происходит. Тебе не о службе надо думать, а о том, как бы прожить подольше. Или не у тебя год назад микроинсульт случился?

После этих слов я опустил голову. А ведь до последнего надеялся, что данный факт останется неизвестен

комиссии. Однако, видимо, я недооценил современные цифровые системы. Две тысячи тридцатый год все-таки на дворе, все все обо всех знают.

— Вижу, что парень ты неплохой, но и под монастырь тебя подводить я не стану. Осколок из тебя не смогли вытащить, на чудо понадеялись, и оно случилось, ты выжил и сохранил себя и все свои функции, так и живи, а послужить нашей Родине найдется кому.

— Там сейчас по лесам недобитки прячутся, вы же знаете, а я — морпех, меня этому учили. Ну, убьют меня, да и плевать, главное, что я умру с оружием в руках, а не как штафирка, — с жаром выпалил я.

— Евгений Николаевич, — обратился ко мне председатель комиссии, — мы вашу позицию услышали, подождите, пожалуйста, возле моего кабинета.

— Есть, товарищ полковник, — гаркнул я и, развернувшись, вышел из помещения.

Уже оказавшись за дверью, я подумал: «Ну вот, и чего я голос повысил? Только хуже будет. Тут надо настойчиво уговаривать, а не лезть на рожон».

Ожидание возле кабинета военного комиссара затянулось, в очереди на комиссию было немало юношей и девушек, желающих или не желающих отбывать воинскую повинность. По закону после событий восьмилетней давности каждый гражданин был обязан пройти военную службу, мужчины — два года, а девушки — год, но у последних была возможность по личной просьбе увеличить этот срок до двух лет. Никто не запрещал становиться кадровым военным, общество давно повернулось к армии лицом, и служба была очень почетным родом деятельности. Сам я осознанно выбрал эту профессию.

Появился на свет я на стыке тысячелетий, в двухтысячном году. В детстве меня записали в кадетский класс, занимался боксом, затем поступил в Рязанское высшее

воздушно-десантное командное училище, хотел стать офицером. Ну, а потом понеслось, начался затяжной конфликт, перекроивший мировое устройство.

Ближе к выпуску нас уже морально готовили к тому, что пошлют на фронт. Шел третий год войны. Среди курсантов ходило множество слухов, которые, к сожалению, подорвали у многих боевой дух, и они решили соскочить в последний момент. Однако я был уверен в том, что все делаю правильно. Хоть и пришлось мне выслушать от родителей много уговоров и причитаний, но я выбрал свой путь.

По распределению меня направили в бригаду морской пехоты на Черноморский флот, и хотя вчерашние курсанты ждали, что их сразу же пошлют на фронт, первое время нам дали на акклиматизацию.

Мы прошли боевое слаживание и только через восемь месяцев попали на линию соприкосновения. Там я почувствовал на собственной шкуре настоящую школу жизни и понял, что то, чему меня обучали, не стоит равным счетом ничего. На последних курсах нам, конечно, преподавали обобщенный боевой опыт, но это не шло ни в какое сравнение с тем, что происходило там, на передке.

Вопреки ожиданиям, приняли нас очень тепло. Вообще войсковое товарищество — это нечто особенное. Я сравнивал командиров, которые непосредственно воевали, с теми, кто отсиделился в тылу, и видел, что это как небо и земля.

Довольно скоро и мы сами стали точно такими же волками войны. Научились по звуку определять тип прилетающего снаряда, брать вражеские укрепления штурмом, стрелять из всего, что только имеет такую функцию.

А потом мне не повезло. Или повезло. Это как посмотреть. Я выжил, что, конечно, несомненный плюс,

но потерял боевых товарищей, здоровье и смысл существования. Что, безусловно, минус. Большущий жирный минус, который не давал мне покоя уже практически три года.

Если бы не проклятый осколок, который засел так глубоко, что его побоялись извлекать, я бы наверняка смог восстановиться, а так у меня это не получалось уже полгода. Я настойчиво обивал пороги военного комиссариата, пытался подделать медицинские заключения, протиснул, умолял, но меня никто не хотел даже слушать.

Я прекрасно понимал свое состояние, про последствия контузии и ранения знал лучше многих, все-таки живу с этим уже несколько лет. Тут главное не волноваться и не выходить из себя, иначе можно и проблемы большие заработать. Несколько раз так и случалось, спасало удостоверение инвалида войны и фотокарточка в форме с орденами.

Мне было на все это наплевать. Я знал из выпусков новостей, что в Прибалтике еще слоняются недобитые ячейки нацистов, они появлялись, словно грибы после дождя, и, по прогнозам экспертов, их полностью удастся ликвидировать не раньше, чем через десяток лет. За последние годы они неплохо научились скрываться, подкармливаемые спецслужбами вероятных противников. С ними постоянно велась подрывная работа.

Недавно созданный Комитет чистоты, конечно, непрерывно проводил мероприятия по локализации и устранению подобных ячеек, но на данный момент дел еще хватало. Все это часто можно было услышать из выпусков новостей.

Эти репортажи заставляли меня бессильно скрипеть зубами. Мне часто снились сны, особенно когда я забывал принять лекарства, ко мне приходили боевые товарищи и звали за собой. Терпеть это становилось все

труднее и труднее. Я научился жить с головной болью, хотя мне постоянно доказывали, что в мозге нет нервных окончаний, и он болеть не должен.

От воспоминаний меня оторвал голос полковника Демьяненко:

— Проходи, старлей. Чего приуныл?

Я встал и прошел в кабинет, вслед за мной вошел пожилой полковник. Только сейчас я обратил внимание на то, что при ходьбе он слегка приволакивал левую ногу. Военком прошел и сел в кресло за своим столом, а я так и остался стоять в шаге от него.

— Ты не думай, Женя, что я против тебя настроен. Думаешь, мне легко? Я тоже, как и ты, был списан. Ногу потерял там же, где и тебе досталось, не всегда ведь я кабинетным был. Пришлось и мне поползть на брюхе.

— Извините, товарищ полковник, ничего плохого я про вас не думал, — опустив глаза, проговорил я.

— Медики задробили тебе восстановление на службе.

После этих слов из меня словно выдернули стержень. Опять ничего не вышло. Руки сами собой сжались в кулаки, внутри начало нарастать раздражение.

— Да ты не горячись, старлей, вижу, что есть у тебя за душой что-то, надо тебе это. Всем бы такой настрой. Поэтому есть у меня к тебе предложение, — негромко произнес полковник и внимательно посмотрел мне в глаза.

— Я слушаю, товарищ полковник, — мгновенно собравшись, сказал я и ответил ему таким же твердым взглядом.

— Вот теперь вижу, что ты не просто спятивший боевик, есть в тебе сила духа, брат. В армию я тебя взять не могу, да и никто не сможет, это ты уже сам давно должен понять, но есть один вариант. Давно небо копчу, есть у меня нужные знакомые, могу похлопотать и взять тебя, скажем так, волонтером. Будешь по лесам нациков